

ВСЕ В «УБЕЖИЩЕ»

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

Ровно два года назад мы дали старт «Вселенной». Сейчас вы держите в руках двадцать первую книгу нашей серии. Если собрать их все вместе и выставить на полку по порядку, из букв на корешках сложатся слова «Вселенная Метро 2033» – а наш герб-печать, изображенный на корешке «Последнего убежища», замкнет ряд. Конец «Вселенной»?

Когда проект начинался, я дал обещание: не допустить, чтобы серия превратилась в конвейерную штамповку одинаковых бездушных книжонок. Пообещал, что буду лично отбирать, вычитывать и редактировать книги «Вселенной», чтобы не допустить выпуска ерунды и халтуры.

Вот уже два года я держу слово, и до сих пор в нашей серии не вышло ни единой книги, которую я бы лично не прочел и не одобрил. Часто случается, что какие-то вещи меня в романе не устраивают, я считаю, что можно сделать лучше, – и тогда мы вместе с автором и редакторами издательства дорабатываем эту книгу.

Поэтому из двадцать одной книги (а это много!) мне не стыдно ни за одну. Все они разные, но всех хороши.

Однако книга, которую вы сейчас держите в руках, – это эссенция нашей серии, ее экстракт, лучшее из лучшего. На Новый 2012 год (а вдруг он действительно будет последним, а?) мы решили сделать вам очень специальный подарок.

В «Последнем убежище» укрылись авторы лучших романов «Вселенной» – Сергей Антонов («Темные туннели»), Шимун Врочек («Питер»), Андрей Гребенщиков («Ниже ада»), Андрей Дьяков («К свету»), Сергей Кузнецов

(«Мраморный рай»), Сергей Москвин («Увидеть солнце»). Все они написали по небольшой, но пронзительной истории специально для этой книги. Но главное — сюда вошли лучшие пятнадцать работ метрожителей — авторов портала Metro2033.ru — и поверьте, некоторые из них написаны просто блестяще.

Мне тоже захотелось добавить в эту особенную книгу что-то от себя. Меня тысячу раз пытали, что же случилось с Артемом после того, как закончилось «Метро 2033». Последние семь лет я отказывался говорить и писать об этом, не хотел раскрывать судьбу главного моего героя.

И вот — дрогнул.

В «Последнем убежище» прячется и мой собственный рассказ — «Евангелие от Артема». Я не хотел говорить, что произошло с Артемом — теперь он говорит об этом сам.

Два года назад, когда все начиналось, я не ставил перед собой грандиозных задач и понятия не имел, сколько продлится этот проект. И то, что скоро книги серии захватят уже весь мой рабочий кабинет, для меня самого — сюрприз.

Я и сейчас не знаю, сколько еще романов нас ждет впереди — один, три, десять? Ясно только, что на этой книге, корешок которой закрывает и запечатывает полку с буквами «Вселенная Метро 2033», наша Вселенная не заканчивается.

Дмитрий Глуховский

ШИМУН ВРОЧЕК

УБЕР И РЕВОЛЮЦИЯ

Раз, два. Раз, два. Мы идем по Африке.

Редъярд Киплинг

— Группа «Солнышко», подъем!

Началось, подумал Макс. Дал организму последнюю секунду понежиться. Затем рывком сбросил одеяло — тонкое, почти не греющее — и спрыгнул вниз. Бетонный пол обжег холодом.

— Группа «Артишок», подъем! — далекий голос. Вспышка ярости была ослепляющей, на некоторое время Макс даже перестал чувствовать пятками холод бетона. Другую группу будили секунд на десять позже. Твари!! Ненавижу, подумал Макс. Потом сообразил, что это сделано нарочно. Разделяй и властвуй. Классика. Чем больше люди ненавидят друг друга, тем проще ими управлять.

Макс понял это за мгновение — но ненависть к «артишкам» не стала меньше.

Даже наоборот.

Рядом матерился Уберфюрер — местный скинхед. Рослый, с бритой налысо головой. Впрочем, последнее никого не удивляло. Воспитуемых брили всех — говорили, от вшей. Так что «фашистов» тут полстанции, а то и больше.

Убер в залатанных штанах (форма одежды номер один) растирал суставы, щелкал костяшками, крутил головой. Макс видел, как по обнаженной спине скинхеда двигаются заросшие шрамы. Резаные, от пуль... разные. Ожоги. Странно: шрамы на лопатках складывались в рисунок — словно раньше там были крылья, но потом они то ли сгорели, то ли их срезали с мясом.

Ангел, блин.

Да уж, не хотелось бы мне с таким «ангелом» повстречаться, подумал Макс.

— Спим?! — в палату ввалился Хунта — «нянечка» группы «Солнышко», огромный тип в засаленной телогрейке. Из прорехи на животе торчал клок желтой грязной ваты. — Кому-то особое приглашение требуется?!

Особого не требовалось. Группа «Солнышко» в полном составе бросилась на выход, выстроилась в коридоре...

— Вперед! — скомандовал Хунта.

Побежали. Туннель, освещенный редкими фонарями, закачался перед глазами. Трудновоспитуемые, трясаясь от холода и стуча зубами, шлепали вслед за нянечкой. От недосыпа строй заваливало, как при сильном ветре.

Но никто не упал.

Иначе Хунта заставил бы всех вернуться и бежать снова. И еще раз, если потребуется. При всей своей обезьяноподобной внешности — низкий лоб в два пальца, толстый нос, уродливые уши — дураком «нянечка» отнюдь не был, а по жестокой изобретательности мог дать фору любому. Воспитатели нянечку ценили — в его группе ЧП случались исключительно редко...

Пока здесь не появился Макс.

А затем в «Солнышко» из лазарета перевели Убера, и стало совсем весело.

— Не отставать! — рявкнул Хунта. Колонна добежала до туннельного санузла, чуть помедлила, затем разом втянулась в бетонное вонючее чрево — словно людей всосало под давлением. Быстрее, живо, живо! В нос ударило застарелым ароматом мочи и яростно-химическим, очищающим мозг до лобных долей запахом хлорки. Трудновоспитуемые выстроились у желоба писсуара, кто-то поспешил в кабинки...

Макс помочился и успел к умывальникам одним из первых. Скрип ржавого металла, плюющийся кран, струйка мутной тепловатой воды. Макс тщательно вымыл руки, лицо, за ушами. Прополоскал рот, почистил зубы пальцем. Надо держать себя в чистоте, иначе кранты. Сгниешь заживо. Станешь, как гнильщики. Макса передернуло.

Вдруг толкнули в спину: давай, давай, тут очередь! Вспышка. Он сдержался. В другое время, в другом месте он бы уже сломал торопыге нос. Но «школа жизни» на Звездной сделала из Макса нового (позитивного, блин) человека. Пожалуй, это единственное, за что местные порядки можно поблагодарить.

Поэтому он спокойно, не торопясь, отряхнул руки, прошел мимо торопыги. Не смотри, велел себе Макс. Не запоминай. Иначе треклятая рожа засядет в мозгах и придется вернуться, чтобы выбить ее оттуда. А у меня нет на это времени. Сегодня — точно.

— Кха! Кха!

Макс замер. Резко повернулся, случайно зацепив взглядом обидчика. Да чтоб тебя! Но было уже поздно: он запомнил.

— Кха! М-мать! — знакомый голос. Макс рухнул с оглушительно ревущих небес ярости на унылый бетон санузла, выругался. Конечно, именно сегодня...

Закон всемирной подлости в действии.

Убер склонился, уперся руками в края раковины — казалось, еще усиле, и он вырвет ее из стены. Голая, покрытая шрамами спина скинхеда напрягалась и дергалась. Макс сделал шаг. Заглянул Уберу через плечо (на плече была татуировка: серп и молот в лавровом венке — странно, что местные не признали скинхеда за своего)...

На выщербленной поверхности раковины темнели сгустки. Темно-красные, почти черные в таком свете.

Кровь.

Не сегодня, попросил Макс мысленно. Только не сейчас. Он не верил в Бога — точнее, не верил в доброго белого дедушку с бородой. В ощущениях Макса все было иначе. Рядом находится некая сила — нечто аморфное и не слишком доброе. Только такой бог, по убеждению Макса, мог выслушать миллионы криков сгорающих в атомном пламени людей и не сойти с ума.

И это аморфное и не слишком доброе можно было попросить.

Только просьбу нужно формулировать проще. Как для огромного, туповато-злобного идиота — бога с болезнью Дауна. Например: не мешай мне. Или — пусть у меня сегодня все получится. А я отдам тебе свои глаза. Или зубы. Или что-то еще. Идиот должен получить что-нибудь взамен. Если мольба срабатывала, Макс заболел. Садилось зрение, он не мог различать буквы. Ныли суставы, начинало ломить спину. Но потом это проходило. У идиота, к счастью, была короткая память. Взяв глаза Макса, он игрался день или два, потом забывал про них. Макс снова начинал видеть нормально. И так до следующего раза...

До очередной просьбы.

Сейчас именно такой случай. Если Хунта решит, что скинхед кашляет слишком громко, или увидит кровь, то отправит Убера обратно в лазарет. И все сорвется. «Ты, там, где ты прячешься, — беззвучно воззвал Макс. — Я хочу, чтобы у меня... у нас все получилось». Злобный идиот молчал. Убер кашлял.

У скинхеда лучевая болезнь. Но до сих пор это Убера не очень беспокоило — и вдруг приступ. Идиотский, на хрен, кашель с кровью.

Ну же, снова воззвал Макс. Идиот... где ты там? На небесах? Каких еще небесах?! Бог где-то там, глубоко под метро. В убежище под землей — в духоте и потемках, он потный и склизкий, и пахнет плесенью.

«Ну же!»

Идиот по-прежнему молчал.

Тут Макс скорее почувствовал, чем увидел: люди расступались. Молча. Макс одним движением оказался рядом с Убером, тронул за плечо. «Здесь Хунта», произнес негромко и отступил.

Вовремя.

— А ну, чего встали?! — под взглядом «нянечки» люди делались меньше. Хунта прошел к раковинам — огромный, злобный тип — и остановился рядом с Убером.

— Ты! — начал Хунта.

Макс шагнул к нему — и замер, словно уткнулся в стену. От «нянечки» шел мощный звериный дух...

Давно, еще до войны, до того дня, как выживших загнали в метро, маленький Макс побывал в зоопарке. Животные севера. Стеклопанельная стена, за которой расхаживал туда-сюда грязно-белый полярный медведь. В бетонном корыте плескалась зеленоватая вода. Медведь поводил вытянутой бесстрастной мордой. Чувствовалось, что если бы не стена, он бы недолго терпел gazeющих на него людей. Макс прикинул носом к стеклу и заворожено наблюдал, как изгибается при каждом шаге медведя свалывающаяся шерсть. И чувствовал запах.

Запах зверя за стеклянной стеной... Только сейчас стены не было. Маленькие глазки Хунты под низким лбом, надвинутым на нос, словно козырек кепки, опасно блестели. В них отражался тусклый огонек лампы.

— Чего тебе? — медленно произнес Хунта. Лицо равнодушное. Самая опасная черта «нянечки»: никогда нельзя угадать, что у него на уме. Лицо Хунты не менялось, словно некий хирург перерезал провода, по которым идут сигналы к мимическим мышцам. Хунта с одинаковым выражением и хвалил за старание, и вырывал человеку плечевой сустав.

— У меня вопрос... — начал Макс.

— На хрен твой вопрос, — Хунта даже не моргнул. Повернулся к Уберу: — Ты! Что там у тебя?

Молчание. Макс приготовился к худшему.

Убер медленно выпрямился. Макс видел, как блестит в свете фонарей его изуродованная спина. Мелкие капли пота...

Скинхед повернулся.

— Я? — он ухмыльнулся. — Я в порядке. Уже и высморкаться не дают спокойно!

Физиономия Убера — вполне обычная. Макс выдохнул. Бог-идиот наконец откликнулся...

Хунта приблизил свое лицо к лицу скинхеда. У Макса мелькнула дурацкая мысль, что сейчас «нянечка» высунет шершавый, как у медведя, язык и слизнет капли с носа Убера.

Бред какой-то.

— НА ВЫХОД! — заорал вдруг Хунта, не поворачивая головы. Макс вздрогнул. — ВСЕ!!!

Секундная заминка — и народ бросился наружу.

— Ты, — сказал Хунта. — Не думай, что самый умный. Я за тобой буду приглядывать. На выход! Бегом!!

— Есть! — Убер бодро выскочил в туннель, так что Максусу пришлось поднажать, чтобы не оказаться последним. Скинхед подмигнул приятелю и занял место в колонне. Долгая пауза. Наконец из санузла вышел «нянечка». У Макса похолодело в животе. Вдруг Хунта увидел кровь в раковине?

«Нянечка» медленно обвел колонну взглядом. Воспитуемые зашли.

— Засранцы, — подвел итог Хунта. — Через десять минут поверка. Бегом в палату, привести себя в порядок. Пошли!

Топот босых ног. Сиплое дыхание. Качающийся свет туннельных ламп. Лязгающий гул работающих механизмов, словно там, далеко в темноте, ворочался чудовищно огромный и не слишком довольный зверь.

Пронесло, подумал Макс. Зубы стучали. После того, как схлынула волна адреналина, он снова начал замерзать. Лоб в холодной испарине.

«Но как, черт возьми, я во все это вляпался?!»

* * *

Станция Звездная находилась в самом низу красной ветки, именно здесь коммунисты копали туннель до Москвы. Красный путь, как они его называют. Дебилы. «Но как меня занесло к этим дебилам?» Хороший вопрос. Просто замечательный вопрос.

Макс забрался в комбинезон. Трясаясь так, что зубы клацали, кое-как застегнулся. Обхватил себя руками, чтобы хоть немного согреться.

Как его сюда занесло — Макс старался не думать. Планировалась обычная встреча: вошли, поговорили, вышли. А что в итоге? Он уже три недели здесь — машет киркой, таскает тачку, полезно проводит время.

Вокруг Макса шумело и кашляло, кряхтело и всхлипывало, стучало зубами и тихо материлось трудновоспитуемое человеко-множество. Полсотни рук, полсотни ног.

Голов, к сожалению, гораздо меньше. Макс слышал, что на некоторых станциях живут мутанты — но не особо в это верил. Интересно, сколько у них рук-ног и по сколько голов на брата?

— Как ты? — спросил он Убера. Скинхед ухмыльнулся.

— Порядок, брат. Все по плану.

Макс кивнул — с сомнением. На Сенной тоже сначала все шло «по плану», а потом завертелось. Если бы не странное везение, не раз выручавшее Макса в подобных ситуациях, лежать бы ему рядом с толстяком. Но сначала он захотел отлить, просто не мог терпеть, а по возвращении услышал странные металлические щелчки — нападавшие пользовались самодельными глушителями из пластиковых бутылок. В дверную щель Макс увидел мертвого Бухгалтера, лежащего в луже крови.

Макс не стал выяснять, что случилось. Он сбежал. Перед глазами до сих пор маячило удивленное лицо толстяка...

Если бы не работаровцы, взявшие его, спящего, в туннеле Сенная-Достоевская, Макс уже был бы дома. Глупо, глупо, глупо вышло!

Но сегодня, дай подземный бог-идиот, все изменится.

— Максим, простите, вы мне не поможете? — голос профессора вывел его из задумчивости. — Еще раз простите, что отвлекаю...

Макс повернул голову. Профессор Лебедев — потомственный интеллигент, ай-кью ставить некуда. Каким-то чудом ему удалось выжить в метро — причем даже не на Техноложке, где ученым самое место, а на Достоевской — ныне заброшенной. И как его раньше никто не прибил?

Или не продал в рабство?

Впрочем, сейчас профессор здесь. А значит, его везение (как и везение Макса) закончилось.

— Конечно, профессор. Что вы хотите?

Лебедев положил на койку очки, пластиковые дужки обмотаны синей, почерневшей от времени изолентой. Одно из стекол треснуло.

— Подержите Сашика, пожалуйста. А то он вырывается, а я ему никак ляжку не застегну.

Макс кивнул. Белобрысому Сашикку на самом деле было двадцать с лишним, но после электрошока и водных процедур — лечили «непослушание» — он подвинулся умом и застрял где-то в пятилетнем возрасте. Профессор за ним приглядывал.

Возможно, это и позволяло старику оставаться бодрым и не впасть в уныние.

— Сашик, стой спокойно, — сказал Лебедев строго. — Или дядя тебя заберет. Видишь этого дядю? Он страшный.

Сашик захихикал. Макс в образе «страшного дяди» не произвел на него никакого впечатления. Макс тяжело вздохнул.

— Убер! — позвал он. — Убер!

Скинхед повернул голову и с усилием растянул губы в улыбке.

Увидев эту улыбку, Макс понял, что худшее еще впереди. Но на Сашика это подействовало гипнотически — он замер. И профессору все-таки удалось застегнуть на нем комбинезон.

— Готово, — сказал Лебедев. — Спасибо вам... э-э... молодой человек. Он почему-то избегал называть Убера по имени.

— Нет... проблем... — скинхед перевел дыхание: — ...проф. Обращайтесь. Макс прислушался.

ВООООУ. Это стонали туннели в перегоне Звездная-Московская. Характерный низкий рокот. Даже приглушенный этот звук действовал на нервы.

Макс повел плечами. Людей он не боялся — совсем, каждый человек может быть вскрыт, как консервная банка — и чисто буквально, физически, и на уровне психологии. Макс уже давно убедился, что его воля заточена лучше и бьет точнее, чем воля любого другого человека. Макс, человек-открывалка. А, может, все дело в природной агрессивности...

Некогда существовала дурацкая теория, что от группы крови зависит характер человека, его психическая сила.

Так вот, первая группа — это хищники. Агрессивные, усваивают лучше всего мясо. Люди с первой группой крови появились на земле раньше остальных. Они более первобытные. Таких даже вирус или грязная вода хрен свалит.

Вторая группа уже может быть собирателями. Корешки, грибы, травка. И так далее. Самая незащищенная — четвертая группа. Чисто городские жители. Зато через одного гении и интеллектуалы. Но обладатели первой группы крови легко могут ими управлять — за счет агрессии и уверенности в себе.

Особенно в условиях, когда приходится выживать на подножном корме...

Макс помотал головой.

Потом вспомнил лицо того придурка, что толкнул его в сортире. И вдруг почувствовал в ладонях знакомый зуд. Сердце билось быстро, дыхание учащенное. Бух, бух, бух. От адреналина горели щеки.